БЕСТСЕЛЛЕР SUNDAY TIMES
ЕВА МОЗЕС КОР
БЛИЗНЕЦЫ ОСВЕНЦИМА
ПРАВДИВАЯ ИСТОРИЯ БЛИЗНЕЦОВ ДОКТОРА МЕНГЕЛЕ
ХОЛОКОСТ · ПРАВДИВАЯ ИСТОРИЯ

Ева Мозес Кор

Близнецы Освенцима. Правдивая история близнецов доктора Менгеле

Серия «Холокост. Правдивая история»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67025172
Близнецы Освенцима. Правдивая история близнецов доктора Менгеле / Ева Мозес Кор; пер. с англ. М. Хараз.: АСТ: ОГИЗ; Москва; 2022
ISBN 978-5-17-133230-3

Аннотация

Летом 1944 г. Ева Мозес Кор и ее семья прибыли в Освенцим. Ее родители и две старших сестры были отправлены в газовые камеры, а Ева и ее близнец Мириам были переданы в руки человеку, который стал известен как Ангел Смерти, – доктору Йозефу Менгеле. Им было 10 лет.

Это удивительная и вдохновляющая история о выносливости и жажде жизни перед лицом поистине всесильного зла, история о силе человеческого духа и способности прощать.

Ева приняла замечательное решение – публично простить нацистов. Она основала музей Холокоста и образовательный центр CANDLES в Индиане, где читала лекции об истории

Холокоста, учила прощению, искоренению ненависти и предрассудков в мире.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Посвящение	6
Пролог	7
Глава 1	10
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Ева Мозес Кор
Близнецы Освенцима. Правдивая история близнецов доктора Менгеле

ХОЛОКОСТ · ПРАВДИВАЯ ИСТОРИЯ

Иллюстрация на обложке предоставлена фотобанком «Shutterstock»

ANGEL OF DEATH by Tanglewood Publishing, Inc.,
Печатается с разрешения Tanglewood Publishing Inc. и при содействии The BKS Agency
Соавтор – *Лиза Рохани-Буччери*

Перевод с английского – *Мира Хараз*

© Eva MozesKor and Lisa Rojany Buccieri, 2009, 2020
© Peggy Tierney, 2020
© Octopus Publishing Group Ltd., 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2022

Посвящение

Посвящаю эту книгу памяти моих матери, Яффы Мозес, отца, Александра Мозеса, сестер, Эдит и Алис, и сестры-близнеца, Мириам Мозес-Цейгер. А также всем детям, пережившим лагерь, всем детям, пережившим насилие и унижения. Я выражаю почтение силе духа людей, выживших несмотря на потерянное детство, гибель родных, и хочу сказать, что семья у них все же есть. И, наконец, я посвящаю эту книгу моим сыну, Алексу Кору, и дочери, Рине Кор, они – моя радость, гордость и еще одно испытание.
ЕМК

Оливии, Хлое и Дженевив. Вы – весь мой мир. И моей сестре Аманде – за то, что спасла мне жизнь.
ЛРБ

Пролог

Двери вагона были распахнуты впервые за много дней, солнечный свет казался нам настоящим благословением. В трясущемся крошечном вагоне для скота ехали десятки евреев – нас увозили все дальше и дальше от Румынии. Изможденные люди толкали друг друга, стремясь выбраться.

Я крепко сжимала руку близняшки, когда нас вытолкали на платформу, не зная, радоваться нашему освобождению или бояться того, что будет дальше. От холодного утреннего воздуха бросало в дрожь, ветер обдувал наши голые ноги, и одинаковые тонкие платья бордового цвета не спасали.

Я сразу поняла, что сейчас раннее утро – солнце только показалось над горизонтом. Повсюду нас окружали забор из колючей проволоки и цементные смотровые вышки. С них на нас глядели винтовки эсэсовцев (нем. *schutzstaffel*). Служебные собаки, которых держали эсэсовцы, рвались с поводков, лаяли и рычали как бешеные. Однажды на ферме я видела бешеную собаку, с пеной у рта и острыми белыми клыками. Я чувствовала, как сильно колотится мое сердце.

Рука сестры, потная и теплая, сжала мою. Родители и Эдит с Алис, мои старшие сестры, стояли рядом с нами, и я услышала, как мама тихонько говорит папе:

– Освенцим? Это и есть Освенцим? Что это за место? Мы не в Венгрии?

– Мы в Германии, – ответил он.

Мы пересекли границу и оказались в Германии. На самом деле это была Польша, но немцы подчинили Польшу себе. Именно в немецкой Польше находились все лагеря смерти. Нас привезли не в венгерский лагерь на работы, а в нацистский – на смерть. Не успела я этого осознать, как кто-то толкнул меня в плечо.

– *Schnell! Schnell!*[1]

Эсэсовцы подгоняли остальных пленных, чтобы те скорее вышли на огромную платформу.

Нас продолжали толкать. Мириам прижалась ко мне поближе. Слабый солнечный свет то исчезал, то снова появлялся над нашими головами – его загораживали взрослые, которых офицеры разгоняли в разные стороны. Похоже, они разделяли всех на две группы с разными целями. Но с какими?

Шум вокруг усиливался. Нацисты хватали людей и толкали их вправо или влево от платформы. Собаки лаяли и рычали. Люди начали плакать и кричать, пытались схватить своих родных, но офицеры их расталкивали. Мужчин и женщин разделяли, детей отнимали у родителей. Мы оказались в эпицентре. Все вокруг закрутилось быстрее и быстрее. Поднялась суматоха.

– *Zwillinge! Zwillinge!*[2]

Перед нами остановился один из офицеров. Он оглядел

---

[1] Быстро! Быстро! (*нем.*)

[2] Близнецы! Близнецы! (*нем.*)

меня и Мириам, наши одинаковые платья.

– Они близнецы? – спросил он маму.

Она помедлила.

– А это хорошо?

– Да, – ответил офицер.

– Они близнецы, – ответила мама.

Офицер молча схватил нас с Мириам и оторвал от мамы.

– Нет!

– Мама! Мама! Нет!

Мы с Мириам кричали и плакали, протягивая руки к маме, и она тоже тянулась к нам, но ее не пускал другой офицер. Он бросил ее на землю с другой стороны платформы.

Мы визжали. Рыдали. Умоляли. Но наши голоса тонули в шуме, хаосе и отчаянии, как бы громко мы ни кричали. Из-за наших одинаковых бордовых платьиц, мы же близнецы, нас трудно было не заметить в серой толпе измученных еврейских пленников, нас с Мириам выбрали. Вскоре нам предстояла встреча с Йозефом Менгеле, нацистским врачом, которого прозвали Ангелом Смерти. Это он решал, кого из прибывших на платформу убить, а кого оставить в живых. Но тогда мы этого не знали. Мы знали, что внезапно оказались одни. Нам было всего десять.

Мы больше никогда не увидели ни маму, ни папу, ни Эдит, ни Алис.

Глава 1

Мы с Мириам были близнецами, младшими из четырех сестер. Наши сестры всегда рассказывали историю нашего рождения с такой завистью, что становилось ясно: мы в семье любимицы. Что же может быть милее девочек-близняшек?

Мы родились 31 января 1934 года в деревне Порт в Трансильвании, в Румынии, неподалеку от границы с Венгрией. Сколько я себя помню, мама всегда любила одинаково нас наряжать и завязывать волосы красивыми бантами, чтобы все издалека понимали, что эти малыши – близняшки. Иногда она усаживала нас на подоконник, и проходящие мимо думали, что мы не дети, а дорогие куклы.

Мы были так похожи, что приходилось носить таблички с именами, чтобы хоть как-то различаться. Тети, дяди, двоюродные братья и сестры, приезжая к нам на ферму, любили играть с нами в «угадайку». «Кто из вас Мириам? Кто из вас Ева?» – вопрошал дядя, а сам улыбался. Мама тоже улыбалась, гордясь своими куколками, а наши старшие сестры закатывали глаза. Люди, как правило, не угадывали. Когда мы чуть подросли и пошли в школу, мы пользовались нашей схожестью и подшучивали над окружающими, это было очень весело. И мы использовали эту уникальную особенность и очарование при каждом удобном случае.

Хотя папа был довольно строгим и отчитывал маму за ее

тщеславие, указывая, что Священное Писание этого не одобряет, она все равно уделяла нашему внешнему виду особое внимание. Она специально шила нам одежду на заказ, как сегодня состоятельные люди заказывают одежду у модных дизайнеров. Сначала она заказывала ткань в городе. Когда ее привозили, мы с Мириам, Алис и Эдит отправлялись к портнихе в городок Шиофок. Там мы, девочки, жадно разглядывали и перелистывали все модные журналы с новинками моды.

Но окончательное решение относительно фасона и цвета платьев принимала мама. Именно платьев – в то время девочки не носили ни штанов, ни комбинезонов. Мама всегда выбирала бордовый, бледно-голубой или розовый. После того как с нас снимали мерки, назначалась дата примерки, когда портниха наряжала нас в уже готовые платья. Платья всегда были абсолютно одинаковыми и составляли весьма гармоничную пару.

Нас с сестрой было очень легко спутать, но папа всегда различал, кто я, а кто Мириам – по характеру, по походке, по незначительным движениям рук. Не успевала я открыть рта чтобы заговорить, а он уже понимал кто есть кто. Хотя Мириам родилась раньше, главной была я. И я больше говорила. Когда нам что-то было нужно от папы, Эдит, самая старшая, отправляла меня к нему «посыльным».

Папа, верующий еврей, всегда хотел сына, потому что в то время только сыновья могли ходить молиться в синагогу и

читать кадиш, иудейскую поминальную молитву. Но сына у папы не было, только мы с сестрами. Поскольку я была самой младшей в семье, он часто смотрел на меня и говорил: «Ты должна была быть мальчиком». Думаю, он имел в виду, что и правда могла бы быть мальчишкой. Это доказывал мой характер: я была сильной, смелой, не стеснялась высказываться – вела себя, как, наверное, подобало бы сыну.

Хоть такой бойкий характер и помогал мне отличаться от сестры, он имел свои недостатки. Мне казалось, что папу во мне все не устраивало, и что бы я ни делала, он оставался недоволен. Мы часто спорили, и я всегда стояла на своем. Я не понимала – неужели он всегда прав, просто потому что он мужчина, потому что он мой отец, потому что он глава семьи? Поэтому мы вечно спорили. Папа и я.

Мне он всегда уделял больше внимания, чем моим сестрам, но внимание это не всегда было приятным. Я так и не научилась искусству белой лжи, поэтому постоянно попадала впросак. Помню, как я часто ходила по дому на цыпочках, чтобы случайно не попасться папе на глаза и не раздражать его лишний раз.

Но со временем я поняла, что споры с отцом сделали меня сильнее. Я научилась быть умнее того, кто имеет надо мной власть. Тогда я этого не знала, но наши споры подготовили меня к тому, что мне вскоре пришлось пройти.

Мама была совсем не похожа на папу. Она была весьма образованна для того времени, когда не всем женщинам позво-

ляли ходить в школу. Многие религиозные евреи тогда воспитывали своих дочерей как будущих матерей и домохозяек, а образование было мужской прерогативой. Хотя мама и проследила за тем, чтобы мы научились читать, писать и считать, а также освоили основы истории и языка, она научила нас заботиться о других.

В нашей деревне, Порте, кроме нас евреев не было, но все соседи дружелюбно с нами общались. Мама всегда была в курсе последних новостей и часто помогала соседям, особенно беременным девушкам, когда они в этом нуждались. Она готовила им макароны или пироги, помогала прибраться в доме, если они болели, давала советы по воспитанию детей, читала письма, которые те получали от родственников. Своим примером она учила нас с сестрами помогать тем, кому повезло меньше нас, особенно учитывая то, что мы были далеко не бедными по меркам нашей деревни.

Однако вскоре после нашего рождения антисемитизм стал стремительно распространяться в Румынии. То есть многие теперь не терпели евреев просто потому, что они евреи. Но мы, будучи совсем детьми, даже не знали, что такое антисемитизм, пока венгерская армия не вторглась в наш городок в 1940 году.

Отец как-то рассказал нам, как испытал антисемитизм на себе в 1935 году, когда нам с Мириам был всего год. В том году Железная гвардия (экстремистская антисемитская партия, руководившая газетами, полицией и управлением на-

шей деревни) разжигала ненависть к евреям с помощью выдуманных историй о том, какие евреи злые, как они хотят всех обмануть и захватить мир в свои руки. Моего отца и его брата Аарона заключили в тюрьму по обвинению в неуплате налогов; но это, конечно, была ложь – они всегда платили налоги. Их арестовали только потому, что они были евреями.

Папа рассказывал, что когда их выпустили, они с дядей Аароном решили попробовать перебраться в Палестину. Когда-то евреи проживали на территории Палестины на Ближнем Востоке – до изгнания во времена Римской империи. Многие евреи думали о ней как о родине, особенно во времена гонений, куда пора вернуться. В начале XX века часть Палестины была отдана евреям-иммигрантам, и в конце концов в 1948 году она стала независимым Государством Израиль.

Папа и дядя Аарон провели в Палестине несколько месяцев, после чего вернулись в Румынию. По возвращении домой дядя Аарон и его жена продали все свое имущество, чтобы вскоре куда-то мигрировать.

Папа тоже убеждал маму уехать в Палестину.

– Там хорошо, – говорил он. – Так тепло. И работу найти легко.

– Нет, – протестовала мама. – Я не могу взять и переехать с четырьмя маленькими детьми.

– Уезжать надо сейчас, пока для нас все не стало еще хуже, – убеждал папа. Его пугали новости о растущих гонени-

ях евреев не только в Румынии, но и по всей Европе.

– Что нам там делать? На что нам жить? Мне в пустыне делать нечего, – отвечала мама. Она, как это иногда делают мамы, настояла на своем и наотрез отказалась что-либо делать. Я часто думала о том, как сложилась бы наша жизнь, если бы она сдалась.

В своей маленькой румынской деревушке мы жили в хорошем доме на большой ферме. Нам принадлежали тысячи акров земли, на которых росли пшеница, кукуруза, бобы и картофель. У нас были коровы и овцы, которые давали сыр и молоко. Также у нас был большой виноградник, и мы делали свое вино. В нашем саду росли яблоки, сливы, персики и вишни трех цветов – красные, черные и белые. Летом мы вешали ягоды себе на уши, притворяясь, будто это сережки, а мы все – изысканные дамы.

Мама очень любила свой садик с цветами перед домом, любила грядки на заднем дворе, все хозяйство с коровами, курами и гусями.

Но больше всего она боялась покинуть собственную маму. Мы любили ездить в гости к бабушке и дедушке Герш. Мама – единственная дочка – чувствовала, что обязана заботиться о бабушке, она действительно часто нуждалась в маминой помощи.

– И вообще, здесь мы в безопасности. – говорила мама. Она искренне верила, что слухи о том, что немцы и их новый глава государства, Адольф Гитлер, поднимают волну го-

нений, были лишь слухами. Она не видела нужды бежать в Палестину или Америку, где наш народ был в безопасности. Поэтому мы остались в Порте.

В Порте проживала всего сотня семей, в основном христиан; у нас был деревенский священник. Дочь священника, Люси, была нашей лучшей подругой, мы с Мириам обожали с ней играть. Летом мы лазали по деревьям в саду, читали книжки, ставили пьесы в нашем маленьком самодельном театре, состоящем из натянутой между двумя деревьями простыни. Зимой мы помогали Люси украшать елку, только папе мы не говорили – он бы не одобрил.

Хотя слухи о том, что евреев принудительно вывозят в трудовые лагеря, росли, мама все равно не верила, что нам что-то угрожает. Даже когда мы узнали о новых гетто – районах в европейских городах, куда сгоняли евреев и где они жили в грязи и нищете, – мы не верили, что нам что-то угрожает. Даже когда у евреев отобрали все имущество, все права, когда их стали отправлять в трудовые лагеря и принуждать к рабскому труду, мы не думали, что это может случиться с нами. Мы не думали, что они дойдут до нашей деревушки.

Помню, как однажды через нашу деревню прошли евреи из будапештского лагеря. Венгерское правительство использовало их рабский труд для постройки железных дорог, а когда стройка завершалась, евреев увозили обратно в лагерь. Во время работ им было негде ночевать, так что папа разре-

шил им спать в нашем хлеве. Иногда жены приходили их навестить и останавливались у нас. В благодарность эти женщины приносили нам всякие игрушки, а главное – книги из города. Мы были в восторге от книг, проводили в их мирах часы напролет. Я могла за день прочесть целую книгу. Это воспитало во мне любовь к чтению с юных лет.

Как я узнала из книг много лет спустя, Адольф Гитлер, глава нацистской партии, пришел к власти в Германии в 1933 году. Гитлер ненавидел евреев так же, как Железная гвардия, так что предводители антисемитских и расистских партий объединились на основе ненависти и жажды править всей Европой. Потом, в сентябре 1939 года, когда нацистская армия вторглась на территорию Польши, началась Вторая мировая война. Венгры, под предводительством Миклоша Хорти, тоже доверились Гитлеру и заключили с ним союз. Все это происходило практически у нас под носом, но все равно казалось таким далеким, что кроме папы никто не беспокоился.

Но летом 1940 года, когда нам с Мириам было шесть, все изменилось. Гитлер передал север Трансильвании Венгрии. Население Трансильвании на тот момент поровну составляли венгры и румыны. Но в нашей деревне венгров не было. Поползли слухи, что венгерская армия придет и убьет евреев и румын и сожжет всю деревню дотла. Даже будучи ребенком, я понимала – мы в опасности.

Мириам, куда более тихая чем я, чувствовала мое беспо-

койство, читала его на моем лице и во всех действиях. Но она никогда не жаловалась – такова была ее природа.

Однажды венгерские солдаты вошли в нашу деревню. Командующий ехал на длинной черной блестящей машине. Зрелище впечатляло, как и было задумано. Все местные жители получили указание радушно принять армию, которой теперь принадлежала власть. Мы слышали, как солдаты напевали: «Мы солдаты Хорти, краше в мире не найти».

Когда они пришли, мама с папой пустили их переночевать; главные офицеры спали в гостевой. Мама отнеслась к ним, как к дорогим гостям – испекла чудесный торт, пригласила их поужинать с нами. Помню, было много разговоров о вкусной еде, и мы с Мириам были так рады сидеть за одним столом с такими важными мужчинами в форме. Вечер выдался приятный, офицеры хвалили мамину еду и выпечку. Прежде чем уйти спать, они снова ее поблагодарили и поцеловали руку – тогда многие европейские мужчины так делали. Наутро они ушли, и родители, казалось, успокоились.

– Видишь? – сказала мама. – Это все вранье, что они евреев убивают. Они настоящие джентльмены.

– Но зачем людям такое выдумывать? – ответил папа. Это был риторический вопрос, за которым не последовало ответа ни от мамы, ни от кого-либо еще. – Ладно, ты права. Нацисты точно не дойдут до нашей деревушки, – заключил он.

Все приняли это как данность. Раз так сказал папа.

Однако по ночам, за закрытыми дверями, родители слу-

шали радио на батарейках. Новости они обсуждали на идиш, который никто из нас, детей, не понимал. О чем они тайно перешептывались? Что они хотели от нас скрыть?

Я прижимала ухо к двери, пытаясь подслушать. Когда родители вышли, я спросила:

– Кто такой Гитлер?

Мама беспечно отмахнулась от вопроса:

– Не беспокойся об этом. Все будет хорошо.

Но мы слышали по радио, как Гитлер кричал, что надо убить всех евреев. Как будто жуков истребить. Как бы родители ни силились сохранять улыбку, мы чувствовали, что что-то не так. От такого таинственного поведения родителей даже Мириам начала нервничать. Мы всегда волновались, даже детьми, когда чувствовали какую-то недосказанность.

Осенью 1940 года мы с Мириам пошли в школу. В отличие от современных младших школ, тогда все дети с первого по четвертый класс занимались в одном кабинете. Кроме нас евреев в классе не было. Близнецов тоже. Каждый день мы появлялись в школе в одинаковых платьях, с длинными косичками, завязанными ленточками одного цвета. Как и наши родственники, одноклассники забавлялись, пытаясь понять, кто есть кто.

Вскоре нам стало известно, что у нас два новых учителя-венгра, которых к нам прислали нацисты. Я очень удивилась, когда они принесли в класс книги с оскорблениями евреев. Более того, в книге были карикатуры, изображаю-

щие евреев с огромными носами и животами, как у клоунов. Но главным чудом из чудес стали «живые картинки» – так мы называли фильмы, пока не знали этого слова, – на стене. Я особенно хорошо помню один из фильмов, он назывался «Как поймать и убить еврея». Эти пропагандистские фильмы показывали перед началом полнометражных фильмов в кинотеатрах, как в наши дни показывают рекламу; только представьте – смотреть ролик о том, как убивать евреев, прямо перед мультиком студии *Pixar*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.